

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ТОМ III
(XVII — начало XVIII века)

Школа
«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Москва 1996

ББК 63.3(2)46-7
И 32

*Издание осуществлено при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту 96-06-87120*

И 32 Из истории русской культуры, том III (XVII – начало XVIII века). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 624 с.
ISBN 5-88766-031-7

Первую часть тома составляет монография А. М. Панченко «Русская культура в канун петровских реформ». Во вторую часть вошли статьи по истории русской культуры и литературы XVII-го века В. М. Живова, С. И. Николаева, А. М. Панченко, М. Б. Плюхановой, В. Н. Топорова, Б. А. Успенского, Г. В. Флоровского.

Книга адресована как широким читательским кругам – старшим школьникам, студентам, просто любознательным читателям, интересующимся историей русской культуры, так и более подготовленным читателям – студентам, аспирантам и преподавателям специализированных кафедр и факультетов по истории культуры.

ББК 63.3(2)46-7

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства Школа «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-88766-031-7

© А.Д. Кошелев. Составление, 1996
© Авторы, 1996
© А.Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика. Культура», 1995
© В.П. Коршунов. Оформление серии, 1995

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 7

Часть первая

А. М. ПАНЧЕНКО

РУССКАЯ КУЛЬТУРА

В КАНУН ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ

ГЛАВА I 11

«Бунташный век» 11

Самозванчество на Руси 25

Раскол 33

**ГЛАВА II. ИСТОРИЯ И ВЕЧНОСТЬ В СИСТЕМЕ
КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ 49**

Противостояние русской старины (веры)
и новой культуры (интеллекта) 49

Время: вечное настоящее или преходящее
будущее 62

ГЛАВА III 73

На пути к секуляризации культуры 73

Скоморохи и древнерусская концепция веселья 80

"Оцерковление" человека и крах этой идеи 129

Реабилитация смеха и "реформа веселья"
Петра I 138

Народный смех и антиутопия 167

Двойничество 175

ГЛАВА IV 198

Культура как состояние 198

Книга 202

Писатель 211

Два этапа русского барокко 223

О топике культуры (вместо заключения) 233

Литература 247

Часть вторая

СТАТЬИ ПО ТИПОЛОГИИ И ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Прот. Г. ФЛОРОВСКИЙ

Встреча с Западом	265
Противоречия XVII века	300
Литература	330

В. Н. ТОПОРОВ

Московские люди XVII века (к злобе дня) . .	346
---	-----

М. Б. ПЛЮХАНОВА

О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле	380
--	-----

В. М. ЖИВОВ

Религиозная реформа и индивидуальное начало в русской литературе XVII в.	460
---	-----

А. М. ПАНЧЕНКО

Церковная реформа и культура петровской эпохи	486
--	-----

А. М. ПАНЧЕНКО

Начало петровской реформы: идейная подоплека	503
---	-----

Б. А. УСПЕНСКИЙ

Historia sub specie semioticae	519
--	-----

В. М. ЖИВОВ

Культурные реформы в системе преобразований Петра I	528
--	-----

С. И. НИКОЛАЕВ

Рыцарская идея в похоронном обряде петровской эпохи	584
--	-----

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	595
-----------------------------	-----

ПЕРВЫЕ ИЗДАНИЯ ПУБЛИКУЕМЫХ РАБОТ	620
--	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	621
-----------------------------	-----

От составителя

Третий том продолжает издание пятитомного сборника работ (далее просто «Сборника») по русской культуре под общим названием «Из истории русской культуры»:

первый том – Киевская Русь;

второй том – Московская Русь;

третий том – XVII – начало XVIII-го века;

четвертый том – XVIII – начало XIX-го века;

пятый том – XIX век.

Четвертый том вышел несколько ранее, пятый – предполагается издать в конце декабря 1996 года.

Цель предпринимаемого издания – отразить те представления о русской культуре и ее динамике, которые сформированы трудами наших современников – филологов, историков, культурологов. Хронологически – это работы трех последних десятилетий. Редкие исключения из этой хронологии сделаны для работ, сыгравших ключевую роль в развитии современного понимания отечественной культуры, в частности, для книги Г. В. Флоровского «Пути русского богословия», некоторые главы из которой включены в тома «Сборника».

Структура тома. Каждый том составляется из двух примерно равных частей: хронологической и тематической. Хронологическая часть – это единый текст, дающий целостное изложение истории культуры соответствующего периода. Он самодостаточен (для его понимания не требуется обращения к другим источникам, основные понятия и термины подробно поясняются, дается указатель имен) и ориентирован на широкие читательские круги. Тематическую часть составляют как новые, так и ранее публиковавшиеся статьи разных авторов, посвященные отдельным темам рассматриваемого периода культуры. Они носят, как правило, более специальный характер и рассчитаны на более подготовленного читателя.

Назначение издания. «Сборник» адресован как широким читательским кругам – старшим школьникам, студентам, просто любознательным читателям, интересующимся историей русской культуры, но не обладающим систематическими знаниями в этой области, так и более подготовленным читателям – студентам, аспирантам и преподавателям специализированных кафедр и факультетов по истории культуры.

Благодарности. В заключение этого общего предисловия составитель хотел бы выразить свою искреннюю признательность всем тем, чье доброжелательное участие и помощь в разработке концепции, структуры и содержания «Сборника» способствовали выходу третьего и четвертого томов и приблизили издание остальных томов. Особая роль здесь принадлежит В. Я. Петрухину, в беседах с которым многие самые общие соображения составителя уточнялись и наполнялись конкретным содержанием. Чрезвычайно полезными были также беседы о содержании «Сборника» с В. С. Баевским, Б. Ф. Егоровым, В. М. Живовым, В. Н. Топоровым и Б. А. Успенским, а в более поздний период – с Н. И. Толстым и С. М. Толстой. В осуществлении проекта неоценимы советы и дружеское участие М. И. Козлова.

При подготовке данного тома составитель пользовался советами большинства его авторов. Особо хотелось бы отметить доброжелательное участие и помощь С. И. Николаева.

А. Д. Кошелев

4 ноября 1996 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

А. М. Панченко

**РУССКАЯ КУЛЬТУРА
В КАНУН
ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«БУНТАШНЫЙ ВЕК»

Духовная культура делится на обиходную и событийную. Событийный ее слой — сочиняемые одна за другой книги, вдруг приобретшие известность авторские имена, неслыханные прежде мелодии и невиданные живописные композиции, только что возведенные постройки и монументы, неожиданные для публики мысли и публичные о них споры. Это учреждаемые и отменяемые празднества, преходящие репутации людей и явлений. Это день ото дня воздвигаемые и день ото дня повергаемые кумиры. Небывалость — вот непрменный признак культурного события. Совокупность таких событий — плоть и кровь эволюции, неиссякаемого потока новизны.

Многим из них суждена короткая жизнь. Это поденки, обреченные на скорое забвение. Другие события не подвержены или почти не подвержены старению. В качестве «вечных спутников» они сопровождают поколения, все больше от них отдаляющиеся. Таковы Нестор-летописец и Пушкин, «Слово о полку Игореве», Гоголь, Толстой и Достоевский... То, что некогда было культурным событием, переходит в разряд культурного обихода.

Эта метаморфоза не всегда протекает гладко. Пример — драматические события, сопутствовавшие московскому книгопечатанию эпохи анонимной типографии 1550-х годов и Ивана Федорова. Интрига, о которой он сам упомянул в послесловии к львовскому Апостолу 1574 г. и которая заставила его продолжить книжное дело на Волыни, видимо, имела и культурную подоплеку. Такое небывалое для Руси событие, как печатный станок, не могло вызвать всеобщего, немедленного и безоговорочного признания. Дело не в пресловутой рыночной конкуренции писцов и типографов: печатная продукция и тогда, и позднее была дороже рукописной, так что имущественным интересам переписчиков ничто не угрожало. Дело и не в пресловутой «московитской» отсталости: достижения западной цивилизации хотя бы в военном искусстве

не встречали отпора и легко усваивались Русью. Но в этом случае техническое новшество затрагивало духовную жизнь и естественным образом породило сложные проблемы.

Иван Федоров выпускал авторитетные, «душеполезные», служебные тексты, которые с точки зрения средневекового человека представляли собою сумму «вечных истин». Механическое тиражирование истин смущало русские умы: разве книги можно печь, как подовые пироги? Конечно, это ремесло, потому что писцу и писателю, равно как золотых дел мастеру, кузнецу, строителю, изографу, распевщику, потребны образцы. Все вообще люди работают «по образу и подобию», учил на заре славянской письменности Иоанн Экзарх Болгарский. Один Бог творит «хотением», лишь его творчество — «чистаа словеса» (Шестоднев, 1879, л. 2, Пролог). Но книжное ремесло — особое ремесло. Рукопись и человека, который ее изготавливает, связывают незримые, но неразрывные узы. Создание книги есть нравственная заслуга, и недаром в этикет писцовой самоуничижительной формулы входит просьба к читателю о поминовении. Созданию книги приличествуют «чистота помысла» и определенные ритуальные приемы, например омовение рук. Все это печатный станок делает нелепым и автоматически упраздняет. Ясно, что книгопечатание воспринималось как резкое нарушение традиции. Неодушевленное устройство оттесняло человека от книги, рвало соединявшие их узы. Требовалось время, чтобы человек смирился с этой новацией, чтобы книгопечатание стало привычкой русской культуры, ее обиходом¹.

Обиходный слой составляет фундамент слоя событийного. Обиход слагается из «прописей», из принятых каждой социальной и культурной формацией аксиом, трактующих о добре и зле, о жизни и смерти, о прекрасном и безобразном, определяющих поведенческие структуры, нравственные и эстетические запреты и рекомендации. Естественно, что обиходный слой весьма консервативен; он меняется гораздо медленнее, нежели событийный. Обиход трудно описывать, потому что это обиход, который сам себе довлеет и сам собою разумеется. В периоды «спокойного» развития о нем не спорят, носители

---

¹ А.С. Демин отметил «недоверие читателей к печатной книге» в 60–80-х годах XVI в., но отнес его на счет политической оппозиции (Демин, 1981, с. 45–70).

обихода его как бы не замечают (в отличие от сторонних, воспитанных в иной среде наблюдателей; заметим, что посетившие «Московию» иностранные путешественники и послы, начиная с Николая Поппеля и Сигизмунда Герберштейна, интересуются прежде всего обиходом — религией, нравами, семейным укладом и т.д.). Но в эпохи скачков обиход превращается в событие. И старые, и новые аксиомы становятся предметом обсуждения, предметом отрицания или апологии: на переломе культура всегда испытывает потребность в самопознании и занимается им.

Такой скачок Россия пережила при Петре I. До сих пор его грандиозная фигура словно бы застит историкам глаза, мешает рассмотреть тех его предшественников, кто начал готовить и проводить реформу обиходной культуры. «Обман зрения» воплощается, в частности, в противопоставлении динамичного Петра его «тишайшему» отцу. Между тем царь Алексей Михайлович вовсе не был «тишайшим» — ни по натуре, ни по делам. Думать иначе — значит, как говорил Лейбниц, «принимать солому слов за зерно вещей».

Если второй монарх из дома Романовых и обнаруживал некую «тихость», то лишь в первые годы царствования, когда он был юн и находился под влиянием своего духовника Стефана Вонифатьева: «Добро было при протопопе Стефане, яко все быша тихо и немятежно» (Житие протопопы Аввакума, 1960, с. 186). Взяв бразды правления в свои руки, царь Алексей, напротив, сделал ставку на динамизм. При нем, как показал А.С. Демин, на передний план выдвигается новый тип государственного деятеля — легкого на подъем, работающего не покладая рук (Демин, 1977, с. 99–117)². Царь требовал быстроты в мыслях и в поступках, требовал служить «не замотчав», без усталости, и его сподвижники соответствовали этому требованию. «То мне и радость, шtbody больши службы», — писал А.Л. Ордин-Нащокин. Вспоминая «работы свои непрестанныя», боярин А.С. Матвеев заметил: «А прежде сего никогда (...) не бывало». Традиционалисты тоже зафиксировали эту новацию, изображая враждебный им мир как мир стремительно меняющийся, находящийся в состоянии конвульсивной перестройки. Патриарх Никон для

---

²По этой книге даются выдержки из писем А.Л. Ордина-Нащокина и А.С. Матвеева.

них — «борзой кобель» и «рысучий зверь» («Стих о Никоне» — Малышев, 1965а, с. 190). Что до царя, то он, по отзыву Аввакума, «накудесил много, горюн, в жизни сей, яко козел скача по холмам, ветр гоня, облетая по аеру, яко пернат» (Житие протопопа Аввакума, 1960, с. 158).

Разумеется, было бы наивно думать, что до А.Л. Ордина-Нащокина все русские администраторы, дипломаты и полководцы были похожи на Фабия Кунктатора. Например, в знаменитом сражении 1572 г. у Молодей, где русское войско разгромило орды крымского хана, воеводы князь М.И. Воротынский и особенно князь Д.И. Хворостинин выказали поразительную «борзость». В поворотные моменты истории Русь умела действовать решительно и без промедления. Что касается повседневного обихода, то и здесь испокон веку восхвалялись «делатели» и осуждались «ленивые, и сонливые, и неврстанливые». У ленивого «раны (...) по плещам лежат и унынье (...) на главе его, а посмех на бороде, а помаз на устех, а оскомина на зубех, на чюжое добро смотриши — горесть на языке, а полынь в гортани, сухота в печенех, а во чреве воркота (...) Недостатки у него в дому седят, а убожье в калите у него гнездо свило, тоска в пазухе (...) А тот человек ленивой и сонливой в дому не господин, а жене не муж, а детем не отец, а по улицам люди его не знают (...) Аще бы пеклся бог ленивыми, то былью повелел бы жито растити, а лесу всякий овощ» (Измарагд, 1912, л. 87–87 об., второй пагинации). И все-таки А.С. Матвеев имел все основания считать стиль поведения своего времени «небывалым». В чем тут дело?

Дело в том, что динамизм не был и не мог быть идеалом православного средневековья. Поскольку живший в сфере религиозного сознания человек мерил свои помышления и труды мерою христианской нравственности, постольку он старался избежать суеты, ценил «тихость, покойность, плавную красоту людей и событий» (Демин, 1977, с. 87). Всякое его деяние ложилось на чаши небесных весов. Воздаяние считалось неотвратимым, поэтому нельзя было жить «с тяжким и зверообразным рвением», нельзя было спешить, следовало «семь раз отмерить». Пастыри учили древнерусского человека жить «косня и ожидая», восхваляли косность даже на государственной службе: «Убо к земному царю аще кто приходит прежде и пребывает стоя или сядя у полаты всегда, ожидая царева происхождения, и коснит, и медлит всегда,

и тако творяй любим бывает царем» (Послания Иосифа Волоцкого, 1959, с. 298). «Косность» была равновелика церковному идеалу благообразия, благолепия и благочиния. Это слово приобрело пейоративный оттенок не раньше середины XVII в., когда стало цениться новое, то, чего не бывало прежде, когда поколебался идеал созерцательного, привыкшего «крепкую думу думати» человека, вытесняемого человеком деятельным.

Но почему все же царь Алексей Михайлович остался в исторической памяти «тишайшим», т.е. смиренным и кротким? Как сложился этот культурный миф? Его истоки — в старинной формуле «тишина и покой», которая символизировала благоустроенное и благоденствующее государство. Соответствующая фразеология обильно представлена в Хронографе 1617 г. и в более поздних его редакциях (Попов, 1869)³. О правлении Федора Ивановича здесь сказано: «Тогда во всем царствии его благочестие крепче соблюдашеся и все православное христианство без мятежа и в тишине пребывающе» (с. 186). В «чаше государевой» (это особый словесно-музыкальный жанр) времен Бориса Годунова содержится моление «о мире и тишине» (с. 217), о «покое и тишине и благоденстве» (с. 218). С помощью той же формулы прельщал народ в своих грамотах Гришка Отрепьев («И все православное христианство в тишине и в покое и в благоденственном житии учинити хотим», с. 231), хотя и он, и Тушинский вор — это «развратники тишины» (с. 197), а приверженцы их — «мятежники тишины» (с. 198). Естественно, что избрание на престол Михаила Романова изображается как «сладостныя тишины свободный день» (с. 204).

Все это — как бы экспозиция к следующему фрагменту: по смерти Михаила Мономахову шапку надел «благородный сын его, благочестивейший, тишайший, самодержавнейший великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, вся Великия и Малыя и Белыя России самодержец. Тогда убо под ево высокодержавною рукою во всем царствии его благочестие крепко соблюдашеся, и все православное христианство безмятежно тишиною светлеюще, и друг со другом радостно ликующе» (с. 210).

³Номера страниц по этой книге указываются в тексте в скобках.

Итак, в государственной фразеологии «мятеж» регулярно противопоставляется «тишине». Из этого следует, что «тишайший» монарх — это «обладатель тишины», царь, который умеет поддержать порядок. Слово «тишайший» — титулярный элемент (хотя в официальный титул оно так и не вошло). Именно в титулярном смысле употребляет его Аввакум: «И царя тово враг божий (патриарх Никон, — А.П.) омрачил, да к тому величает, лстя, на переносе: "благочестивейшаго, тишайшаго, самодержавнейшаго государя нашего, такова-сякова, великого, — больше всех святых от века! — да помянет Господь Бог во царствии своем, всегда, и ныне, и присно, и во веки веков" (...). А царь-ет, петь, в те поры чается и мнится, бутто и впрямь таков, святее его нет! А где пуще гордости той! (...) Прежде во православной церкви на переносе не так бывало, но ко всему лицу мирскому глагола дьякон и священник: "всех вас да помянет Господь Бог во царствии своем, всегда, и ныне, и присно, и во веки веком"; а до царя дошед, глаголет: "да помянет Господь Бог благородие твое во царствии своем"; а к патриарху пришед: "да помянет Господь Бог святительство твое во царствии своем". А не в лице говорили имянем его, посылая во царство небесное: буде он и грешен, ино род его царев православен, а в роду и святой обрящется. Тако и патриарх, аще и согрешит нечто, яко человек, но святительство непорочно. А ныне у них все наось да поперег; жива человека в лице святым называй: коли не пропадет. В Помяннике напечатано сице: "помолимся о державном святом государе царе". Вот, как не беда человеку!» (Житие протопопа Аввакума, 1960, с. 154).

Эта инвектива из «Книги толкований» чрезвычайно важна для истории и культурологии «тишайшего» царя. Во-первых, Аввакум удостоверяет, что такое титулование появилось лишь при Никоне. Конечно, можно сомневаться, что Аввакуму довелось слышать его между июлем 1652 г. (поставление Никона в патриархи) и сентябрем 1653 г. (арест Аввакума). Видимо, Аввакум в «Книге толкований» передает впечатления 1664 г., когда он вернулся в Москву из сибирской ссылки. Во-вторых, новое титулование связано с церковной службой (перенос — это большой выход, когда святые дары переносятся с жертвенника на престол). В-третьих, слово «тишайший» толкуется как узурпация святительских прав, как претензия монарха на сакральное, архипастырское достоинство. Иначе говоря, это новый и небывалый, кощунственный

титул — в сущности, не столько никонианский, сколько анти-никионианский: Никон исповедовал принцип «священство выше царства», пытался подчинить государство церкви, а нарисованная Аввакумом картина этот принцип недвусмысленно отрицает — в пользу абсолютизма. Впрочем, именно такой и была реальная ситуация 60-х годов, когда царь распоряжался церковью как своей вотчиной.

В последнее десятилетие жизни Алексея Михайловича слово «тишайший» получило права гражданства в придворной поэзии. Симеон Полоцкий часто включает его в заглавия своих «приветств» (ср., например, «приветства» в день именин и по случаю переезда государя в Коломенский дворец — Русская старопечатная литература, 1982, с. 283). Есть оно и в надписании траурного «Гласа последнего ко Господу Богу святопочившаго о Господе благочестивейшаго, тишайшаго, пресветлейшаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича». Коль скоро это титулярный элемент, имеющий отношение не к лицу, а к сану, не к характеру монарха, а к его власти, то он естественным образом должен был наследоваться преемниками первого «тишайшего». Так и было.

18 июня 1676 г., в день венчания на царство, «тишайшим» стал Федор Алексеевич, и Симеон Полоцкий поднес ему, «нововоцарившемуся блачестивейшему, тишайшему, пресветлейшему великому государю» (Симеон Полоцкий, 1953, с. 108) удостоверяющую это «Гусль доброголасную», стихотворную «книжицу» в жанре *proseuticon* (этот жанр предусматривал моления об успехах адресата — здесь они воплощены в цикле «благих желаний» патриарха, членов царской семьи, освященного собора, боярской думы и т.д., вплоть до «всех православных христиан»). Еще в бытность Федора царевичем Симеон Полоцкий не раз посвящал стихи этому любимому своему ученику, но «тишайшим» его никогда не называл. Прошло шесть лет, и Федор умер. До 1696 г. в России было два царя и два «тишайших», единокровные братья Иван и Петр Алексеевичи, а потом в течение тридцати лет один Петр. При нем Московская Русь превратилась в петербургскую, императорскую Россию. Соответственно реформировался и монарший титул (см. об этом в третьей главе), но эпитет «тишайший» время от времени использовался и применительно к Петру.